

Вет. Москва. — 1994. — 17 июня. — С. 5.

«Царев и говорит:

«Правая рука у вас очень даже гибкая!»

Оксане Мысиной, точь-в-точь как герою шутки Ширвиндта и Державина, удалось перекрыть все кинорекорды: за истекший, так сказать, период она не снялась во всех картинах на всех фабриках грез сразу. Но этот факт не помещал ей стать одной из самых интересных актрис последнего времени. На это указывает даже самая скупая на похвалы критика, в этом убеждают ее роли в театре «Модерн» (на Спартаковской) и еще выше вознесшая ее роль Тины в спектакле Нового театра «Письма Асперна».

— Оксана, спасибо, что вы все-таки согласились побеседовать.

— Еще бы не согласиться — должна же я знать, что это за опасность мне грозит, о которой вы сказали по телефону. Шутка?

— Не совсем, не совсем...

— А если без тумана? Меня не испугать — я живу в Люберцах.

— Намеряете на любителей? Водитесь с ними?

— Не вожусь. Но машину у нас угнали, так что закалака есть.

— Угнали, вместо того, чтобы вас охранять и гордиться, что рядом живет сама госпожа Мысина...

— Так что же за опасность?

— Ваш успех в «Письмах Асперна». Это ли не слава, не медные трубы, способные вскружить голову и погубить талант?

— Вон вы о чем. Но какая еще слава?

— Вот же — ворох рецензий: Мысина! Мысина! Мысина!.. Вы укладываете зал

на обе лопатки, я сам отбил себе все ладони.

— А разве это не нормально? Я прихожу играть, вы — смотреть и аплодировать. Я сама ужас как люблю хлопотать актерам.

— Я даже слышал от театралов: «О, Мысина — это новая Чурикова!»

— Ничего смертельного. Про Инну Михайловну тоже, поди, твердили — новая Джульетта Мазина. Нет, я вовремя сумею расслышать сладкие звуки медных труб, если они надо мной зазвучат, и с радостью подыграю им на своей скрипке. А впрочем, говорить об этом рано. Лучше скажите — вы сами-то как?

— Говорю же — я в восторге. Посмотрел я вашу Тину и так, знаете, по большому счету поздравил себя. С появлением прекрасной актрисы. После спектакля едва не кинулся обнимать прохожих, вот до чего. И так-то мне спокойно стало, просто спокойно и все. И звезды в небе, гляжу, сияют, смеются. А я и не подозревал, что в Москве звезды есть.

— Спасибо. Приятная речь сладка для души, полезна для наших костей. Народная мудрость.

— Так когда вы услышали в себе актрису?

— В пеленках, пожалуй. Мы жили в Донбассе. Папа шахтостроитель, мама геофизик — вечно в своих рудниках. А мы с сестренкой творили. Наряды, представления... Когда поступила в Гнесинское музыкальное, стала похаживать к Спесивцеву. Играла у него в «Садко» Птицу-феникс. Там меня застукал педагог Гнесинки, и мне хорошо выпали. За причастность к авангарду. Но до исключения не дошло и по окончании альтистка Мысина направляется в оперный театр.

— И как вас встретили в опере?

— Не доехала. В то лето облазила все театральные институты. Докарабкалась до

конкурса в Щепкинском, и мама сказала: «Твоему спесивцевскому авангарду нужна царевская школа...» Ермоловский зал. Во главе комиссии сам Михаил Иванович Царев. Выхожу на сцену с гитарой и скрипкой. Вдруг голос Царева: «Вы работали у Спесивцева?» — «Да, работала». — «А что же вы сюда пришли, там бы и оставались?» — Ну, думаю, пропала. Он ретроград, не оценит. Говорю жалобно: «Хочу учиться». — «Хорошо, читайте!» — А я уж и язык проглотила от страха. Хватаю скрипку и начинаю Баха — «Похоронное шествие». Они почему-то дослушивают. Царев: «Ну что ж, правая рука у вас очень даже гибкая». Начинаю трагический монолог Старухи из «Прощания с Матерью» — смех. Ну тут я не на шутку разошлась и прыг в зал, где комиссия. Хохот стоит дикий. Кто-то для меня заиграл «По улице ходила большая крокодила», и я пустилась в пляс, с туфлями в руках. Три дня ждала решения — как не свихнулась.

— Царев часто бывал на курсе?

— Не очень. Но он — сама мудрость. Отличные педагоги — Верещенко, Солнцева, Ерохина, Петрова. Мы сказали Михаилу Ивановичу, что хотим остаться вместе, сделать театр. И вскоре он представил нам лидера — Светлану Александровну Врагову. С ней нам поистине повезло. Она добилась помещения, сделала репертуар. Человек она очень талантливый и ищущий. Надо сказать, это жесткий режиссер. Мы работали много, в трудных условиях, и не все это выдержали.

— Как вас встречали в Америке с вашей знаменитой «Дорогой Еленой Сергеевной»?

— Прием удивительный. Шесть недель в Чикаго. Прекрасная организация, потрясающие условия, хорошая плата. Всегда аншлаги и щедрая пресса. Лос-Анджелес — то же самое. Были в Югославии. Еще до войны. Сказочные города, и какая культу-

ра... Не могу представить, что там такое происходит. А в Америке меня пригласили на открытие черной церкви. Все было в белом, нарядные, светились любовью. Как они поют! Красота, какая-то трагическая радость. Это рядом с небесами. Я пела для них старинную русскую молитву.

— Вы ведь замужем за американцем?

— Да, мой муж гражданин США, журналист, работает в Москве. Был представлен мне как поклонник нашего театра, а через год мы поженились.

— Как ему Люберцы?

— Джон живет нашей жизнью. Переносит все то же, что и все мы. А теперь вот и на электричке ездит. Любит нашу страну и очень в нее верит. Раз в году мы ездим к его родителям в Штаты.

— Что для вас участие в «Письмах Асперна»?

— Уникальная возможность поработать с мастером. Я покорена интеллигентностью, культурой Бориса Александровича Львова-Анохина, его любовью к актеру. Он великолепен в работе, и не заразиться этим невозможно. Еще я сблизилась с Эддой Юрьевной Урусовой и считаю это подарком судьбы. Ее жизнь достойна пера романиста. Общаться и играть с ней — счастье. Вообще мне понравились все участники «Асперна» — какой-то несуетностью, достоинством, послушанием в профессии.

— Каковы ближайшие перспективы?

— Вся наша перспектива — труд. Терпеливый. Вера, надежда... Мой долг — чтобы после моих спектаклей люди успокаивались и замечали звезды.

Беседовал Е. ВИХРЕВ.

НА СНИМКЕ: Тина — Оксана Мысина в спектакле «Письма Асперна».

Фото В. КАЗУТО.